

10. Albov A. P., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. (ed.) *Istoriya filosofii prava* [The history of the philosophy of law], Saint-Petersburg, Saint-Petersburg University of the Russian Interior Ministry Publ. House, 1998. 640 p.
11. Kalnoy I. I. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Saint-Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Publ., 2008. 252 p.
12. Kozlikhin I. Yu., Polyakov A. V., Timoshina Ye. V. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of political and legal doctrines], Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ. House, 2007. 856 p.
13. Korkunov N. M. *Istoriya filosofii prava* [History of Philosophy of Law], Saint-Petersburg, A. S. Suvorin Publ., 1896. 456 p.
14. Malinova I. P. *Filosofiya prava (ot metafiziki k germenевtike)* [Philosophy of Law (from metaphysics to hermeneutics)], Ekaterinburg, 1995. 425 p.
15. Moshchelkov Ye. N. *Istoriya i politika: filosofskie istolkovaniya* [History and politics: the philosophical interpretation], Moscow, ARGAMAK MEDIA Publ., 2013. 328 p.
16. Moshchelkov Ye. N. *Istoriya filosofii prava v universitetskom obrazovanii Rossii (XIX – nachalo KhKh v.)* [History of Philosophy of Law at the University of Education of Russia (XIX – early XX century)], Moscow, Maxks-Press Publ., 2011. 232 p.
17. Panarin A. S. *Politologiya. O mire politiki na Vostoke i na Zapade* [Politics. About the world of politics in the East and in the West], Moscow, Book House "University" Publ., 1999. 320 p.
18. Panarin A. S. *Filosofiya politiki* [Political Philosophy], Moscow, Novaya Shkola Publ., 1996. 424 p.
19. Trubetskoy Ye. N. *Trudy po filosofii prava* [Proceedings on the philosophy of law], Saint-Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ. House, 2001. 543 p.
20. Fedorova M. M. *Klassicheskaya politicheskaya filosofiya* [Classical Political Philosophy], Moscow, Ves mir Publ., 2001. 224 p.
21. Fedorova M. M. *Politicheskaya ratsionalnost: k stanovleniyu novykh epistemologicheskikh osnovaniy politicheskoy nauki* [Political Rationality: to becoming a new epistemological foundations of political science], Moscow, Gumanitariy Publ., 2009. 48 p.
22. Moshchelkov Ye. N. (ed.) *Filosofiya politiki i prava. 100 osnovnykh ponyatiy. Slovar* [Philosophy of Politics and Law. 100 basic concepts. Dictionary], Moscow, Tsentr strategicheskoy konyunktury Publ., 2014. 248 p.
23. Danilyan O. G. (ed.) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], Moscow, Eksmo Publ., 2007. 416 p.
24. Shershenevich G. F. *Istoriya filosofii prava* [History of Philosophy of Law], Saint-Petersburg, Petersburg, Lan Publ., 2001. 526 p.
25. Shestov N. I. *Politicheskaya filosofiya* [Political philosophy], Saratov, 2010.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА В ПОИСКАХ ТЕКСТОВОГО ЖАНРА

Рыскельдиева Лора Турарбековна, доктор философских наук, профессор

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского
295007, Российская Федерация, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Ялтинская, 4
Email: ryskeldieva@rambler.ru

Под воздействием «поворота к языку» и в условиях развития междисциплинарности в современной философии обнаруживаются поиски адекватного жанра философского текста. В особенности это относится к работам в области истории философии, на них может быть оказано разрушительное для философского смысла влияние новейших филологических и исторических исследований. Статья ставит вопрос об актуальности специальной философской текстологии. Наряду с учетом особенностей текстовой деятельности в философии она должна проанализировать жанровое многообразие и его связь с методологическими установками исследования. Три методологические установки: 1) доксографическая, 2) историческая и 3) герменевтическая – определяют комплекс исследований по истории философии в наши дни. Первая реализуется в виде «недоксографии»: комиксов, рассказов о личной жизни философов, художественных фильмов. Вторая установка традиционно реализовалась в систематических,

часто многотомных трактатах и учебниках, а в наши дни на смену им приходят энциклопедии и словари, жанр которых вполне адекватен условиям информационного общества. Третья установка представляет больший интерес, она дала возможность проявления творчества в области интерпретации философских смыслов разных времен, традиций и культур. Это творчество вызвало к жизни ряд новых жанров: философская биография, историческое расследование, «реанимация», публицистическая статья по истории философии, беседы-размышления. На их появление оказали влияние: диалогизм современной философской культуры, ее коммуникативная компонента (проблема Другого) и развитие философского востоковедения.

Ключевые слова: философская культура, история философии, жанр текста, текстология

MODERN PHILOSOPHICAL CULTURE IN SEARCH OF THE TEXTUAL GENRE

Ryskeldieva Lora T., D.Sc. (Philosophy), Professor

V.I. Vernadsky Tavrida National University
4 Yaltinskaya st., Simferopol, Crimea Republic, 295007, Russian Federation
Email: ryskeldieva@rambler.ru

Under the influence of “the turn towards language” and under conditions of interdisciplinarity development in modern philosophy, the search for relevant genre of philosophical text is emerged. In particular it concerns works in the field of history of philosophy since they can suffer, in philosophical meaning, a shattering impact from new philological and historical research. This article raises the question of relevance of special philosophical textology. Alongside with consideration of specifics of textual activity in philosophy, the variety of genre and its connection with methodological establishments of the research have to be analyzed. Three methodological provisions: 1) doxographic, 2) historicist, 3) hermeneutic – determine the set of studies in the field of history of philosophy in modern time. The first one is being realized in the form of *neodoxography*: comic books, stories about personal lives of philosophers, motion pictures. The second provision was traditionally realized in systematical and often multivolume study books and treatises. In modern time they have been substituted by encyclopedias and vocabularies, which genre is adequate to conditions of informational society. The third provision is of a great interest, since it made creative work development possible in the field of interpretation of philosophical meanings of different times, traditions and cultures. This creative work brought to life the whole series of new genres: philosophical biography, historical research, “reanimation”, op-ed piece (or publicistic article) on the history of philosophy, discussions-contemplations. Their introduction was influenced by dialogism of modern philosophical culture, its communicative component (the issue of the Other) and development of philosophical oriental studies.

Keywords: culture of philosophy, history of philosophy, textual genre, textology

Время тесного взаимодействия и сотрудничества философии с наукой периодически демонстрирует некоторое подобие «опасностей» для философии со стороны науки, которые можно назвать потенциальным редукционизмом. Об одной из них – психологизме – в свое время писал Э. Гуссерль, когда понял, что через логику в философию может «проникнуть» психология, и она может свести на эмпирическое «нет» все то, чем со времен античности держалась философия как знание и как культурное явление. Этот психологизм начала 20 в. был естественной реакцией на бурно развившуюся во второй половине 19 в. психологию как совокупность эмпирических лабораторных исследований и экспансию полученных ею данных в «базу данных» других наук. Вторая половина 20 в. стала в значительной мере временем наук о языке – лингвистики, текстологии, литературоведения, дискурс-анализа и др., которые способствуют возникновению большого количества междисциплинарных исследований в духе семиосоциопсихологии или социофонетики. Междисциплинарность нынче воспринимается как синоним актуальности и как критерий востребованности или даже практической значимости исследования. Еще А. Лавджой говорил о ненужной «департаментализации» знания и предложил (успешно осуществляемый ныне в работе западных philosophy departments!) проект «истории идей», призванный дать более

широкую историко-культурную картину [4]. Известна также энергия противостояния профессиональной философии со стороны Р. Рорти, утверждавшего, что идея особой деятельности под названием «философия» сродни особой «гордости», которая, в свою очередь, есть прямой путь к схоластике [10].

Наши дни, как мне представляется, вполне можно считать временем *филологизма*, то есть, заметного влияния филологии на философию. Это влияние осуществляется через тот раздел философского знания, который принято называть историей философии в качестве совокупности исследований нашего философского прошлого (собственно история), исследований других философских культур (компаративистика) и знакомства с мировой философской культурой настоящего (философские переводы). Такая история философии занимает значительное место в современной отечественной философской культуре по многим причинам: и потому, что бурная переводческая деятельность последних десятилетий открыла или переоткрыла для нас значительный корпус философских текстов, и из-за всегда высокого уровня российского философского востоковедения, и на основе требований ВАКа к формату диссертаций («степень изученности проблемы»), и благодаря большому сегменту истории философии в учебных планах философских факультетов. Как реагировать на это обстоятельство и есть ли здесь опасность? Или не реагировать вовсе, так как никакой опасности нет? Философии известно, что такое утрата автономии, будь то статус средневековой служанки теологии или служанки политологии в наши дни. Могут ли историко-философские исследования способствовать, так сказать, гетерономизации всей философии? Думается, что доля опасности в процессе филологизации для философии все же есть, но она преодолима, если историко-философские исследования смогут самоопределиваться, увидеть свои цели и основания, проанализировать свою методологию.

В основе работы историка философии лежит подмеченная еще Г.-В.-Ф. Гегелем методологическая коллизия (история или философия? временность или вечность?). Но она, как кажется, имела вполне позитивное и даже эвристическое значение, иницируя саморазвитие и переосмысление. Кроме этого, на философии сказался начавшийся в 19 в. поиск методологических оснований всего гуманитарного знания – в его рамках философия, следуя принципу историзма, обратила особое внимание на свое прошлое. Заметную роль в самоопределении истории философии следует отдать К. Ясперсу, благодаря его трудам был переделан «портрет» историка философии – из профессионального доксографа (наполовину историк, наполовину филолог (как сам Г. Дильс?)) он превратился в самостоятельного мыслителя, способного на диалог со своими великими предшественниками-учителями. Историзм, диалогизм, коммуникативность – вот, по Ясперсу, профессиональные качества современного философа как историка философии. Впрочем, историческая «память» самой истории философии не позволяет исключить ни доксографический, ни гегельянский пласты (или фрагменты) в современных историко-философских исследованиях. Таким образом, в их совокупности сейчас можно обнаружить сочетание трех методологических установок:

1. Доксографическая, нацеленная на описательную характеристику не только мнений самих философов, но и разных мнений о философах. Реализуется в жанре зачастую бессистемных рассказов, записанных анекдотов, историй, где, наряду с жизнеописанием есть и описание взглядов, трудов, поучений.

2. Историческая (или историзм), опирающаяся, прежде всего, на гегелевскую установку, видящую в истории философии определенную логику. Наиболее адекватно реализуется в систематических трактатах энциклопедического характера, но возможна и в коротком тексте, в котором история философии представлена как систематическое знание о реальных исторических закономерностях.

3. Герменевтическая – установка на поиск философской коммуникации в процессе реконструкции, осмысления и интерпретации философского наследия прошлого. Реализуется в текстах свободного жанра (от трактата до эссе или поэмы), но непременно творческих, часто окрашенных личными интонациями автора.

Эти установки и определяют жанровое многообразие современных историко-философских исследований. Но как вообще понятие жанра проникло в область философских текстов?

Словосочетание «жанр философского текста», на мой взгляд, есть результат того влияния которое оказали на философию современные филологические (лингвистика и литературоведение) и исторические исследования. А это влияние и было следствием методологических поисков оснований гуманитарного знания, начавшихся во второй половине 19 в. Один из результатов этих поисков – известный тезис Г.-Г. Гадамера о том, что философия как гуманитарное знание сродни, скорее, искусству, чем науке. Само же гуманитарное знание к началу 21 в. обнаруживают весьма заметную текстологическую компоненту.

Традиционная, или «классическая», текстология всегда была разделом литературоведения и имела, по большей части, прикладной характер. Ее цель – совокупность исследований, на основе которых можно издать аутентичный, верный, «тот самый» текст, в котором, как предполагается, воплощен замысел автора. Другими словами, цель работы традиционного текстолога – грамотная, правильная публикация текста. Впрочем, как писал Д.С. Лихачев, «между «критикой текста», «добывающей» текст для издания, и текстологией как историей текста, такая же разница, как между агрономией и ботаникой, фармакологией и медициной, искусством черчения и геометрией» [5]. Однако прикладные, эдиционные задачи привели исследователей-филологов к необходимости теоретического основания, к проблеме самостоятельного, автономного существования текста и необходимости ответа на вопрос о методологии его изучения. В этом смысле литературоведение обнаружило тесную связь с историей, а филологическое изучение текста – с историческим.

Со своей стороны, исторические дисциплины – источниковедение и в какой-то степени историография – испытывают влияние филологии, результатом которого становится историческая текстология. Перед историком-текстологом всегда находится текст как единственный источник исторического знания, исследователь призван изучить его генезис, эволюцию, абerrации смысла и проч. Из вспомогательной исторической дисциплины, каким было источниковедение (датировка памятника, определение происхождения, состава, назначения и проч.), работа историка с текстом превращается в основу решения его главной профессиональной задачи – исторической реконструкции события. Как пишет историк И.Н. Данилевский, историческая реконструкция не может быть верной, если не учитывать структуру всей «ретроспективной информации», которая содержится в источнике, и, в частности, «общие места», «топосы», цитаты с отсылками к тому историко-культурному контексту, в котором был создан реконструируемый текст [2].

Современные историко-философские исследования вплотную подошли тоже к появлению философской текстологии, которая хорошо осознавала бы свое методологическое отличие от других способов работы с текстами, и сумела бы выделить специфику философского текста с тем, чтобы сделать все необходимое и должное для сохранения философской традиции [11]. Текстологическую специфику и особенности текстовой деятельности в философии обнаружить нетрудно, связаны они со следующими обстоятельствами.

Во-первых, современная текстология содержит определенные абerrации традиционного способа изучения текста, которые появились в ней, во многом, под влиянием широких исследований фольклора, мифов и разного рода нарративов. Так появилась, например, «генетическая критика», видящая в тексте процесс, растворяет текст в контексте, ищет ключ к творческой «кухне» и стирает различия между самим текстом и его черновиками, заметками и примечания к нему, разными вариантами его издания. Самогó текста (того сáмого!) как бы уже и нет, а «генетисты» при этом освобождают текстологию от иллюзии эссенциализма, придают ей междисциплинарный характер. Антиэссенциализм современной текстологии распространяется и на

фигуру автора, «смерть» которого, как принято считать, давно диагностирована так, что текст стал процессом, а место автора заняла необъятная культура или безличная текстовая деятельность. По моему мнению, такой подход в философской текстологии неприменим вовсе. И, прежде всего, по причине принципиально неустранимого и от века фактического авторства философского текста – понятие «философский фольклор» не возможно, у каждого философского текста должен быть (и есть) автор (даже если это Псевдо-Дионисий).

Во-вторых, у текста в философии есть неустранимая специфика, а у междисциплинарности для философии есть пределы. Специфика и пределы определяются тем, что от века имеет (и должно иметь) место только в философии – метафизикой или, точнее, метафизической компонентой философского текста [12], придающей ему осмысленность, а всему философскому дискурсу полноту. Как бы и при каких бы обстоятельствах ни появлялся философский текст, он создается в иной, нежели другие тексты, установке. Роднит философский текст с художественным – метафора, с историческим – голос времени и обстоятельств, с научным – стремление к истине. Отличает философский текст от художественного – вынужденность употребления метафоры (в идеале ее не должно быть), от исторического – стремление приглушить голос эпохи, от научного – осознание того, что одной только истины недостаточно. Если контекст как бы «удерживает» в тексте время и пространство, события и обстоятельства этого мира, то философия должна «перенести» текст в другой мир – мир мысли и смысла. Таким образом, понятие жанра философского текста будет вполне уместным, если ему найти место в рамках специальной философской текстологии, способной учесть неустранимое своеобразие философского текста.

Последнее время и сам термин «жанр» стал употребляться шире, чем раньше, шире, чем только применительно к сфере искусства. Появились устойчивые словосочетания типа «исследовательские жанры», «научный жанр», «проект как жанр». Филологизации философии и широкому употреблению понятия «жанр» в философии последних десятилетий поспособствовала, в том числе, и известная работа Р. Рорти «Историография философии: четыре жанра», опубликованная в 1984 г. (русский перевод 1993 г.). В этой работе он критикует традиционный, по его определению, доксографический способ изложения историко-философского «материала», называет его пагубным, говорит о том, что он навевает скуку и вызывает отчаяние [9]. Этому плохому и уходящему в прошлое способу, по его выражению, «мумификации» фигур великих философов он противопоставляет хороший жанр, за которым будущее – «интеллектуальную историю» как более богатый и размытый, свободный и лишенный цеховых профессиональных рамок способ рассказа о жизни и судьбе «интеллектуалов» и их идей.

Желание «радикального обновления» в современной философии понятно, и оно позволяет широко употреблять ясперсово понятие «философствование», которым в 20 в. вольно заниматься всем – без всяких профессиональных, цеховых, академических ограничений. Оно и позволяет реализовать рефлексию истории философии в текстах самого разного толка. По большей мере, это желание может быть удовлетворено в рамках третьего из выделенных нами подходов – герменевтического, предполагающего разного рода реконструкции, переосмысления и любой степени свободы интерпретации. Но при этом не исключается и определенная модификация (или эволюция?) текстовой реализации доксографической и историчесткой установок. Что представляют собой старые и новые жанры философского текста?

В жанрах как формальном способе организации текста можно выделить традиционные (или классические) и современные, которые можно назвать творческими. Под классическими или старыми можно понимать (как это сделано в коллективной монографии молодых уральских философов): афоризм, исповедь, диалог, трактат, эссе, апологию, философскую поэзию [6]. Но не они сами по себе в наше время заслуживают внимания (они почти отсутствуют в современной философской культуре (1)), а продукты их эволюции. В наше время давно институционализированной, «департа-

ментализированной» отечественной философии и хорошо развитой философской культуры можно говорить об *академических* и *педагогических* жанрах историко-философских исследований. Они были представлены многотомными или многостраничными изданиями под рубрикой «история философии» с уточнениями: «Краткий курс истории философии», «История философии народов СССР», «История философии: Запад – Россия – Восток», «Западная философия XX века» и т.д. Время таких изданий, как кажется, подходит к концу и им на смену приходит жанр энциклопедий и словарей, которые избавляют своих авторов от методологического единства, от точки зрения на историю и ответственности за репрезентативность «материала», приближают к своеобразной *неодоксографии*. Совокупность статей, в конечном счете, определится практически сама собой и будет зависеть от состояния интересов и уровня подготовки профессионального экспертного сообщества. Собственно педагогическая историко-философская библиотека в последнее время начинает пополняться текстами иного – уже визуального! – ряда, к которому относятся комиксы и художественные фильмы. (Попытка визуализация не столько обстоятельств жизни, сколько именно мыслей философа, использование языка кино для интерпретации философского учения связана, судя по всему, не только с особым местом кинематографа в современной культуре, но и с влиянием нового типа исторических исследований в духе школы «Анналов»). Так появились, например, «Les derniers jours d'Emmanuel Kant» (Philippe Collin, 1994), «Wittgenstein» (Derek Jarman, 1993), «Blaise Pascal» (Roberto Rossellini, 1972), «Hannah Arendt» (Margarethe von Trotta, 2012). Впрочем, результаты этого видеоряда пока оценить трудно – их сомнительность не отменяет самую возможность использования данного языка.

Не вполне новым, но уверенно приходящим на смену старому педагогическому академизму, следует считать жанр *философской биографии* [14], в последнее время изрядно обновленный тем, что Э.Ю. Соловьев назвал «реконструирующей импровизацией». Метафору театра, использованную для характеристики той степени философского творчества, которую неизбежно проявляет талантливый историк философии, он дополнил метафорой музея, которая указывает на необходимую меру профессиональной строгости в работе историка философии. Понятно, что на стороне «музея» – ответственность за защиту «культурного наследия от сменяющихся идеологических использований, привнесений и модернизаций» [15], на стороне «театра» – так ценимая нами грамотная публицистичность и актуальность историко-философского исследования. Именно жанр «реконструирующей импровизации», сознающей ответственность за смысл реконструируемого «материала» как тончайшей текстуры мысли других времен и культур, может стать замечательной и, главное, адекватной формой существования философии «для всех» (как бы мы ни относились к такой возможности и необходимости). Эта форма может воплотиться в жанре публицистической *историко-философской статьи*, «формулу смысла» которой недавно (2) привел Э.Ю. Соловьев как признанный мастер этого жанра: «P есть не Z, а S» (3), в которой Z – распространенное мнение, а S – реальное положение вещей. Тогда историко-философское исследование может принять облик увлекательного историко-философского *расследования*, в процессе которого мы сможем (ретроспективно) не столько узнать, «из какого сора...», сколько (перспективно) суметь приобрести, по выражению Соловьева «оценочно-критический взгляд на современность из надвременной мудрости». Это трудный жанр, в котором расследование легко подменить разоблачением, но сложно скрыть его внефилософские причины и мотивы.

Очевидно, что при таком подходе прошлое становится актуальным, то есть, действующим, то есть, живым. В этой связи можно отметить еще один современный жанр историко-философского исследования, которому дадим условное название *реанимации* – оживления, во-одушевления, придания новой жизни чему-то старому. Новую жизнь античным киникам дал П. Слотердаjk, противопоставив кинические дерзость и карнавальность, отвагу и непровержимость главных – телесных – аргументов

современному цинизму [13]. Новую, постмодернистскую форму существования получил в конце 20 в. Б. Спиноза во Франции. Его тексты подверглись во французских историко-философских исследованиях такому детальному рассмотрению, что после них, – пишет Л. Винчигуэрра – «уже невозможно довольствоваться «быстрым чтением», ставшим отныне синонимом приблизительности и спешки» [1]. Надо представить себе своеобразный исследовательский микроскоп, когда комментарии к одному разделу, например, «Этики» составляют целый том, когда исследуется происхождение каждого примера, образа и ассоциации! Появление совершенно нового контекста для понимания всего учения в таком случае неизбежно, и тогда вместо стандартного пантеизма («все есть Бог») в отношении Спинозы может появиться панэнтеизм («все в Боге, не будучи Богом»), а сам Спиноза вдруг оказаться новатором, предложившим новую модель для рассуждения – модель тела [1].

Особый импульс поискам адекватной формы выражения результатов философских исследований придало в последние десятилетия активное развитие философского востоковедения и компаративистики. Характерно то, что в «цеховом» сознании философов работа философского востоковедения проходит по «ведомству» истории философии, чем подчеркивается принципиально диалогический и герменевтический ее нынешний характер. Особая герменевтика инокультурного материала вызвала к жизни классический, но обновленный жанр – *беседы и размышления*. Фигура буддолога А.М. Пятигорского в этом отношении была показательной, а интеллектуальный союз с М.К. Мамардашвили уникальным. Их «беседам о метатеории сознания» [8] удалось свою малопонятность для неподготовленного читателя компенсировать мощной суггестивностью, благодаря которой этот читатель начинал подозревать: с тем, что мы все дружно понимаем под философией, что-то не так. Лекции же самого Пятигорского о буддийской философии заставляли того, кто их слушал, не записывать, а думать, и были, конечно, не источником информации, и не поучениями, а именно размышлениями-медитациями. Этот жанр бесед-медитаций не был вызван ни эпатажем, ни чьей бы то ни было экстравагантностью, а был хорошо продуман и методологически обоснован. По Пятигорскому, имеет смысл изучать буддийскую (и любую другую как именно другую) философию только в том случае, если у тебя есть своя философия. Отвергая расплывчатое и ничего не говорящее понятие «Другой», А.М. Пятигорский говорит о принципиальной «чужести» любого мышления, когда мы пытаемся о нем говорить, писать, мыслить. Чужое мышление объективно (как объект) познаваемо только в случае, если мне удалось и мое мышление сделать для себя объектом, начав с «тщательного учета и анализа твоего же понятийного языка, которому предстоит стать языком описания изучаемой тобой философии. Но этот язык описания не может по определению быть только твоим – это язык твоей культуры, твоего времени, да наконец, твой естественный язык...» [7]. Так, занятия историей философии выводят в бесконечное поле саморефлексии, осуществить которую, как говорил А.М. Пятигорский, «безумно трудно, но возможно».

Итак, можно утверждать, что для современных работ по истории философии характерно жанровое многообразие, в котором есть новые – нетрадиционные – способы организации философского текста. Эти новшества связаны с возросшим авторитетом междисциплинарных исследований и сильным влиянием языкознания. При этом теряют свои позиции исследования, представляющие вторую из выделенных нами методологических установок – историчистскую, реализация которой предполагает, чаще всего, объемное развернутое изложение всей истории философии. Приобретает неожиданные формы первая установка – она реализуется в том, что можно назвать неодографией, ставшей результатом популярных нарративов «о жизни и деяниях» великих философов прошлого. Наибольшее развитие получила третья, герменевтическая установка, на основе которой происходит вполне адекватная особенностям современной философской культуры реконструкция смысла интеллектуальных и духовных поисков, осуществленных нашими предшественниками. Ее результаты долж-

ны способствовать тому, чтобы, как писал М. Мамардашвили, посредством философии узнавать о себе и о мире то, чего без философии узнать нельзя.

Примечания:

(1) Широко известна одна современная апология - Т. Иглтон «Почему Маркс был прав». Ее автор приводит 10 распространенных возражений в адрес К. Маркса и с помощью обращения к первоисточнику их опровергает. Вывод: истинная жизнь марксизма – после марксизма, в этом и состояла его цель [3].

(2) Речь идет о юбилейном, посвященном 80-летию Э.Ю. Соловьева семинаре ИФ РАН в апреле 2014 г.

(3) Формула выведена кантоведом Р. Кленнером как воспроизводящая кантовский способ фиксации истин в философии.

Список литературы

1. Винчигуэрра Л. Спинозистский ренессанс во Франции (1959–2000) / Л. Винчигуэрра // *Логос*. – 2007. – № 2 (59). – С. 6–28.
2. Данилевский И. Н. Историческая реконструкция: между текстом и реальностью / И. Н. Данилевский // *Человек читающий: между реальностью и текстом источника : сборник статей*. – Москва : История всеобщей истории Российской академии наук, 2011. – С. 5–22.
3. Иглтон Т. Почему Маркс был прав / Т. Иглтон. – Москва : Карьера Пресс, 2012 – 304 с.
4. Лавджой А. О. Великая цепь бытия: История идеи / А. О. Лавджой. – Москва : ДИК, 2001. – 376 с.
5. Лихачев Д. С. Текстология : краткий очерк / Д. С. Лихачев. – Москва – Ленинград : Наука, 1964. – С. 13.
6. Многообразие жанров философского дискурса : учебное пособие / под ред. В. И. Плотникова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2001. – 276 с.
7. Пятигорский А. М. Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров) / А. М. Пятигорский. – Москва : Новое литературное обозрение, 2007. – С. 8.
8. Пятигорский А. М. Три беседы о метатеории сознания (совместно с М. К. Мамардашвили) / А. М. Пятигорский // *Избранные труды*. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 7.
9. Рорти Р. Историография философии: четыре жанра / Рорти Р. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/rorty/r4.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (дата обращения: 01.06.2014)
10. Рорти Р. Философия и будущее : пер. с англ. / Р. Рорти ; пер. Т. Н. Благовой // *Вопросы философии*. – 1994. – № 6. – С. 29–34.
11. Рыскельдиева Л. Т. Дисциплинирующая роль истории философии / Л. Т. Рыскельдиева // *История философии: вызовы XXI века*. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 89–96.
12. Рыскельдиева Л. Т. Об одной из особенностей философского текста / Л. Т. Рыскельдиева // *Ученые записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология»*. – 2012. – Том 24 (65), № 4. – С. 3–10.
13. Слотердайт П. Критика цинического разума : пер. с нем. / П. Слотердайт ; пер. А. В. Перцева. – Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2001. – 584 с.
14. Соловьев Э. Ю. Биографический анализ как вид историко-философского исследования / Э. Ю. Соловьев // *Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры)*. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 19–52.
15. Соловьев Э. Ю. История философии как музей и театр / Э. Ю. Соловьев // *История философии: вызовы XXI века*. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 143.

References

1. Vinchiguerra L. Spinozistskiy renessans vo Frantsii (1959–2000) [Renaissance of spinozizm in France (1959–2000)]. *Logos* [Logos], 2007, no. 2 (59), pp. 6–28.
2. Danilevskiy I. N. Istoricheskaya rekonstruktsiya: mezhdz tekstom i realnostyu [The historical reconstruction: between text and reality]. *Chelovek chitayushchiy: mezhdz realnostyu i tekstom istochnika* [The reading person: between reality and sours' text], Moscow, The Story of World History, Russian Academy of Sciences Publ. House, 2011, pp. 5–22.

3. Iglton T. *Pochemu Marks byl prav* [Why Marx Was Right], Moscow, Karera Press Publ., 2012. 304 p.
4. Lavdzhoy A. O. *Velikaya tsep bytiya: Istoriya idei* [The Great Chain of Being: A Study of The History of An Idea], Moscow, DIK Publ., 2001. 376 p.
5. Likhachev D. S. *Tekstologiya: kratkiy ocherk* [The textology: short essay], Moscow – Leningrad, Nauka Publ., 1964, pp. 13.
6. Plotnikov V. I. (ed.) *Mnogoobrazie zhanrov filosofskogo diskursa* [The Variety of philosophical discours' genres], Yekaterinburg, Bank kulturnoy informatsii Publ., 2001. 276 p.
7. Pyatigorskiy A. M. *Vvedeniye v izucheniyе buddiyskoy filosofii (devyatnadsat' seminarov)* [The Introduction to buddhist philosophy studies (nineteen seminars)], Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 8.
8. Pyatigorskiy A. M. Tri besedy o metateorii soznaniya (sovместно s M. K. Mamardashvili) [Three talks on consciousness metatheory (with M. K. Mamardashvili)]. *Izbrannyye trudy* [Selected works], Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kultury» Publ., 1996, pp. 61–108.
9. Rorty R. Istoriografiya filosofii: chetyre zhanra [The historiography of philosophy: four genres]. Available at: <http://philosophy.ru/library/rorty/r4.html> (accessed: 01.06.2014)
10. Rorty R. Filosofiya i budushchee [Philosophy and the future]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 1994, no. 6, pp. 29–34.
11. Ryskeldieva L. T. Distsipliniruyushchaya rol istorii filosofii [The history of philosophy should be a discipline]. *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of philosophy: the challenges of XXI century], Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2014, pp. 89–96.
12. Ryskeldieva L. T. Ob odnoy iz osobennostey filosofskogo teksta [On one of the features of philosophical text]. *Uchenye zapiski TNU im. V. I. Vernadskogo. Seriya «Filosofiya. Kulturologiya. Politologiya. Sotsiologiya»* [Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series “Philosophy.Culturology. Political Sciences. Sociology”], 2012, vol. 24 (65), no. 4, pp. 3–
13. Sloterdajk P. Kritika tsinicheskogo razuma [Critique of cynical reason], Yekaterinburg, Ural State University Publ. House, 2001. 584 p.
14. Solovev E. Yu. Biograficheskiy analiz kak vid istoriko-filosofskogo issledovaniya [Biographical analysis as a sort of the research in the history of philosophy]. *Proshloye tolkuyet nas (Ocherki po istorii filosofii i kultury)* [The Past interprets us (Essays on the history of philosophy)], Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 19–52.
15. Solovyev E. Yu. Istoriya filosofii kak muzey i teatr [History of philosophy treating as the museum and as the theatre]. *Istoriya filosofii: vyzovy XXI veka* [History of philosophy: the challenges of XXI century], Moscow, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 2014, pp. 143.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ ПО СОЧИНЕНИЯМ ЕВРОПЕЙЦЕВ

Щербакова Лилия Валерьевна, кандидат культурологических наук, доцент

Астраханский государственный технический университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 16
E-mail: lscherbakof@yandex.ru

В данной статье рассматривается проблема восприятия пространства и времени, свойственного жителям Московского государства (вторая половина XV – конец XVII столетия). Субъективное восприятие указанных категорий в определённую историческую эпоху позволяет увидеть культуру общества во всей полноте и многообразии. Однако круг источников по данной тематике довольно скуден. Поэтому следует обратиться к свидетельствам иностранцев, посетивших Россию в исследуемый период, и проанализировать ту сведения, которые, в той или иной степени, отражают указанную проблематику. И хотя свидетельства европейцев в данном вопросе ограничены в силу специфики темы, вполне возможно выделить необходимую информацию. В статье исследуются следующие объекты повседневного мира средневекового россиянина, которые могут быть отнесены к категории пространства: дом (и придомовая территория: двор и служебные помещения), поселение, страна и «чужая» территория. При восприятии времени анализируются историческое, природное (биологическое), божественное время.